

ВВЕДЕНИЕ
В ЛОГОКОСМОГЕНЕЗ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение в логокосмогенез	5
Культура и цивилизация: традиция и прогресс	241

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	9
Логография	12
Передаем сообщение	12
Пробуем договориться	13
Немного о семиотике	16
«Фабрика грэз»	20
Слово — деньги	23
Мыслим и говорим	24
Допрос с пристрастием	25
На кофейной гуще	40
Слово об алфавите	44
Толковый словарь Вселенной	47
Язык с доставкой на дом	59
Слово о пазитрафии	67
Ex nihil: Логос пустоты	70
Пустой номер	76
Пустые хлопоты	78
Где пусто, где густо	79
Всё впустую	80
Динамалогос	91
Divide et impera	101
Dei verbum — Логос творения	105
Время пошло	131
Топохронология	132
Хроноскопия	139
Гелиохронометрия	144
Гелиохронология	149
Время вышло	161
Назад в будущее	164

Здесь и сейчас	166
Век творца — время существования вселенной	171
Антропология	173
Логос антропогенеза	176
Ихтиология первопредков	182
Дар языка	192
Первопредки-гермафродиты	202
«Грехошадение»	206
С небес на землю	207
Дары предков	218
Психология	218
Эпилог	230
Таблица судьбы	230
Список сокращений	239

ПРОЛОГ

В этой книге мы собираемся затронуть целый ряд фундаментальных философских вопросов: что явилось толчком к сотворению Вселенной, как создавался человек, коснемся также вопроса происхождения человеческого языка, поговорим о значении его когнитивной функции, лексикографии, принципах организации тезауруса.

При этом следует помнить и всегда иметь в виду, что все эти вопросы с той или иной степенью детализации находят свое отражение в культурно-религиозной, мифологической традиции любого этноса, любого народа. Они собственно и составляют ядро этой традиции, будучи представлены в нем в виде космогонических, тегонических и антропогонических мифов.

И здесь мы подходим к еще одному, чрезвычайно важному и одновременно крайне неудобному для большей части современного научного сообщества sacramentalному вопросу: кем был тот обладатель воистину за предельным знанием о том, как создавался космос и человек; кто был тот наставник, который не только передал его якобы исполному и слабоумному человечеству, но еще и создал тщательно продуманную систему его сбережения и последовательной передачи грядущим поколениям на протяжении сотен тысячелетий. Попытки представить рас пространение этого знания как результат заимствования, когда видные представители некоей «передовой» культуры вдруг озабочились тем, чтобы открыть содержание своего космогонического мифа и тем самым обогатить другую, якобы «примитивную» культуру, абсолютно беспочвены и ничего кроме непонимания того, что представляет собой традиция, не демонстрируют. А между тем практические результаты подобной «благотворительности» хорошо известны, поскольку в подавляющем большинстве случаев приводили к насильственному насижению «прогресса» и уничтожению «отсталой» традиции.

Столь же несостоительными следует признать попытки представить корпус космогонических мифов как продукцию частного (племенного (народного) мифотворчества и чуть ли не авторского художественного вымысла.

Сторонники подобных взглядов по не совсем понятным нам причинам отказываются понимать одно важное требование традиционной культуры, которое заключается в том, что доступ к более или менее полным версиям мифа может полу-

чить исключительно посвященный член племени, как это и происходит по настоящее время в закрытых традиционных сообществах, к которым, в частности, относится и племя догонов.

Возможно, редчайшим исключением из этого строгого правила явилось посвящение догонскими жрецами французского этнографа Марселя Гриоля, благодаря которому он, единственный из европеевцев, был допущен непосредственно в «спецхранилище» их тайного мифологического архива.

Вот как с его слов описывается основа программы обучения мифу, которую должен усвоить избранный для этого догон и к освоению которой, судя по всему, был допущен сам Гриоль.

*Программа эта включает четыре уровня инициации и соответственно четыре уровня знания. Первый уровень — *giri so* «переднее слово» — предсталяет собой введение в миф, снабженное простыми объяснениями действий мифологических персонажей, чья внешность обычно замаскирована, а похождения которых намеренно упрощены (здесь и далее выделено мной, Н.М.) или исказжены, не имея определенной логической последовательности. На этом уровне описываются доступные для обозрения предметы и акты в увязке с основными ритуалами и современными доступными в быту материалами.*

*Уровень *benné so* «боковое слово», включает положения, использованные на первом уровне, но теперь снабженные более глубокими комментариями по поводу значения отдельных частей ритуалов и представлений. При этом последовательность действий персонажей и их взаимосвязи между собой в некоторых случаях не раскрываются.*

*Третий уровень — *bolo so* «заднее слово», с одной стороны, завершает этап получения предварительных знаний, а, с другой, позволяет синтезировать составные части в целостном виде. Отдельные узловые моменты, однако, по-прежнему намеренно не раскрываются, поскольку сделать это разрешено лишь на высшем, четвертом уровне посвящения, когда прозвучит то *dayi* — «чистое слово».*

Данный фрагмент мы посчитали необходимым привести собственно для того, чтобы показать, насколько сложноорганизованным является мировосприятие и мирапонимание догонов, насколько структурировано его мифологическое описание и насколько иерархичен процесс познания мира. И все это находит свое отражение в языке, систематизированный тезаурус которого догоны используют в качестве базы данных и своего рода универсального механизма для осмыслиения действительности.

Любопытно, что мыслить и действовать в соответствии с этим порядком они начали задолго до того, как европейские интеллектуалы начали составлять свои первые алфавитные вocabulæ и энциклопедии. Одно это указывает на глубочайшее, в полном смысле «сверхчеловеческое» понимание ими функциональной роли и значения языка, когда они, не владея письменностью и, очевидно, не особо нуждаясь в ней в своей повседневной жизни, получили явно избыточное с практической точки зрения знание о семасиологии языка, которым пользуются не только и не столько для презентации явлений окружающего мира, сколько как руководством во всех без исключения сознательных и когнитивных процессах.

«В отличие от древних греков, культура которых начала терять глубинное понимание мифа чуть ли не со времен Пифагора, для догонов миф (дог. *so tamie*, букв. «поразительное слово») является абсолютно реальной и актуальной историей, содержащей целый набор в большей или меньшей степени развернутых пересказов историй творения и начального мироустройства. Именно поэтому вся эта история в силу своей очевидной значимости для народа в целом называется *aduno so tamie* — «истинное, поразительное слово о Вселенной».

Несколько вводных слов придется сказать и об особенностях примененного нами фоносемантического подхода, который мы собираемся широко использовать для понимания того, как был создан и как устроен этот мир и какую роль во всем этом играет человеческий язык — логос.

В самом общем плане мы, естественно, исходим из того, что язык представляет собой сложнейшую знаковую систему, в основе которой лежит слово (лексисма), понимаемое как продукт взаимодействия между его фономорфологической структурой и его семантическим полем¹. Углубление в то, как устроено это взаимодействие в процессе передачи смыслов, надеемся, позволит нам проникнуть в самые глубины языка, приблизиться к пониманию закономерностей в порядке оформления соответствий между словом и значением (что является предметом изучения лексической идеофонии), подойти к проблеме онтогенеза слова, расширить и одновременно углубить подход к этимологии слова.

Язык также может быть представлен как сложнейшая программа по обеспечению коммуникации и информационного обмена между населяющими мир людьми и прочими живыми сущностями. Ошибки и сбои в работе этой программы имеют свойство накапливаться как в индивидуальном, так и коллективном сознании, что рано или поздно требует ее обновления и перезагрузки как в памяти отдельной «рабочей станции», так и всей коллективной лингвокультурной сети.

В завершение этого краткого экскурса в фоносемиотику слова отметим, что наименее постоянным и, соответственно, наиболее персементивным в рамках фономорфологии является так называемый вокализм — поведение гласных фонем (точнее, гласных в составе морфонем), что в историческом плане ведет к изменению их количества и качества в корневой морфеме, их чередованиям, перестановкам и выпадениям. То есть, гласные фонемы в слоге представляются переменными, являясь своего рода балластом, наполнятелем как корневых, так и аффиксальных морфем. По сравнению с ними согласные выглядят как опорные, гораздо более постоянные и значимые элементы морфемы (примером тому является ярко выраженный консонантизм древнеегипетского, дравидийского и ряда языков афразийской языковой семьи), хотя и они в какой-то период в истории языка могут заменяться, ассимилироваться или дисассимилироваться, вставляться, меняться местами или выпадать по совершенно разным, часто необъяснимым причинам. Так, например, если взаимозаменяемость [r] и [l] в целом понятна и объяснима с фонологической точки зрения, как объяснима трансформация [l] в [v] или [l] в [j], то о причинах замены [l] на [n] в монгольской ветви алтайской семьи или в дравидийской семье языков можно только догадываться.

¹ Более подробно о характере этих взаимодействий см. Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика.